

ОТЗЫВ

официального оппонента, кандидата исторических наук Кузнецова Игоря Валерьевича на диссертацию Падалко Семена Сергеевича «Институционализация еврейских общин в СССР в 1960–1980-х годах», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография

Существенной слабостью гуманитарных и социальных дисциплин, до сих пор пребывающих в допарадигмальном состоянии (в отличие от точных и естественнонаучных), если следовать мнению, укрепившемуся в аналитических работах по истории антропологии с подачи Джорджа Стокинга, Мл. (Stocking 1968), является сложность отграничения подлинно исторического (и научного) взгляда – историзма – от всяческих проявлений презентизма (от *present* ‘настоящее [время]’). Это при том, что невозможно игнорировать, что в профессиональном цеху легитимными считаются все-таки попытки постигать «прошлое ради самого прошлого» (или по крайней мере стремление к этому), а не «прошлое ради настоящего», или в угоду настоящему, как, увы, часто происходит в исследованиях, следующих конъюнктуре.

Вместе с тем, как раз второй подход до сих пор доминирует в небогатой историографии вопроса, решению которого посвятил себя диссертант. Автор диссертации справедливо отмечает, что «[в] существующей исследовательской традиции, сложившейся преимущественно в американской и израильской академической среде, доминирует политико-центричный подход, сосредоточенный на таких аспектах, как движение за эмиграцию, феномен «отказников», диссидентская активность, еврейский самиздат и подпольные религиозные практики» (дисс., с. 3). «Такой подход, сформированный на основе опыта столичных еврейских активистов, – продолжает он, – оставил в тени повседневную жизнь официальных религиозных общин на локальном уровне» (там же), т. е. в провинции.

Получается, что из-за пренебрежения изучением синагог, открываемых «сверху», советскими официальными властями, в действиях которых исследователи справедливо видели пропагандистские шаги, работы, посвященные институционализации еврейских общин в СССР в 1960–1980-х гг., писались преимущественно в презентистском ключе, не учитывавшем историчность самого явления. Более того, к моменту написания диссертации наблюдались даже значительные расхождения в оценках количества зарегистрированных в Советском Союзе иудейских общин – от 40 до 100 по разным источникам (там же).

В этом смысле исследование, представленное в диссертации, ценно, как попытка вернуть все на свои места, компенсировав недостатки предыдущей историографии. А учитывая основной тренд, выраженный в последней, подход диссертанта действительно может быть расценен как «альтернативный», поскольку рассматривает «официальные религиозные структуры как полноценные социальные институты со сложной внутренней организацией» (там же). Итак, налицо актуальность диссертационного исследования, которая заключается, во-первых, в том, что предпринята попытка и, заметим, удачная, изучения вопроса в духе историзма, и во-вторых, в представленном труде наконец-то правильно расставлены акценты – ведь еврейская жизнь происходила не только в столицах, но и в советской провинции.

Содержание работы богато за счет использования самых разнообразных фактов и источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот (ниже источники будут обсуждены специально). В соответствии со сложившейся в российской науке традицией во Введении автор выделяет наряду с прочим «объект», «предмет», «цели» диссертационного исследования, «географические» и «хронологические рамки», называет конкретные «задачи»; пространно на 15-ти листах предпринимает критический разбор работ предшественников («степени изученности»); перечисляет используемые в сочинении методологические приемы – «историко-сравнительный», «историко-си-

стемный», «структурно-типологический», «метод кластеризации» и «историко-генетический»; заостряет внимание читателя на «научной новизне проделанного» (ср. «первое в историографии комплексное исследование функционирования официальных еврейских религиозных общин в 1960–1980-х годах», или «впервые предложена комплексная макроуровневая типология еврейских общин СССР» – с. 27).

В плане теории и демаркации границ концептуального поля автор предлагает воспринимать свою работу как междисциплинарную, помещая ее между веберианской социологией организаций и антропологией бюрократии (с. 24). Это несколько избыточное утверждение, противоречащее разделу «соответствие работы паспорту научной специальности» во Введении, где в частности говорится, что диссертация соответствует в целом научной специальности 5.6.4 «Этнология, антропология и этнография», а в паспорте данной специальности – отдельно пунктам: 2 – теория и методология антропологических/этнологических/этнографических исследований); 3 – региональные этнографические исследования, вкл. «индигенные» (?) исследования; 4 – политическая антропология и этнополитология; 6 – идентичность, этничность, этническая история, в т. ч. межэтнические отношения и конфликты; 7 – антропология религии, вкл. межрелигиозные отношения и конфликты. Полагаю, в том, что сюжет диссертации имеет отношение к упомянутому перечислению тем, можно согласиться с ее автором (об общем этнологическом/антропологическом характере диссертации, см. также ниже).

Положения (их 6), которые диссертант выносит на защиту (с. 29–30), аргументируются и текстуально раскрываются в последующих главах работы. Симметрия основного содержания (3 главы) также вполне традиционна для отечественной науки. Подчеркиваю это лишь, чтобы напомнить об условности подобного деления, напр., во многих западных работах допускается гораздо больше глав, и они не обязательно должны быть одинаковыми по объему.

Первая относительно небольшая глава «Тенденции развития еврейских общин во второй половине XX в.» носит явно общеконтекстуальный характер. В ней объединены три совершенно разных сюжета, но вместе они необходимы для адекватного восприятия основного материала. Один из них (1.1) посвящен синхронным изменениям в положении зарубежных еврейских общин (почему-то кроме Израиля) и, прежде всего, затронувшей их секуляризации – процессу, который проявился в актуализации прежде бессмысленного противопоставления «иудеев» и «евреев». К сожалению, в диссертации не делается попыток описания интересующих фактов и явлений в терминах собственно еврейской истории, видящей корни секуляризации в движении *хаскала*, и оперирующей в этой связи специальными понятиями – *хилоним*, *масортим* и проч.

Далее (1.2) автор приводит демографические данные, характеризующие положение евреев в послевоенном СССР, и приходит к выводу, что советские евреи в общем следовали глобальным тенденциям XX в., но в отличие, например, от евреев США, процесс секуляризации у них не был результатом свободного выбора, а «насаждался через систему идеологических и политических мер, целенаправленно направленных на подавление и разрушение религиозной жизни еврейских общин» (с. 42).

Третий сюжет (1.3) затрагивает политику советского государства в отношении еврейского населения, особенно верующих, вплоть до 1960-х гг. В этой связи диссертант предлагает видеть в динамике религиозных институтов иудаизма в СССР два взаимосвязанных аспекта: с одной стороны, «неуклонный процесс слома традиционных институтов», а с другой – «включение остающихся институтов в бюрократическую логику» (с. 53–54). Все основные выводы этой главы представляются обоснованными.

Наиболее важная вторая глава «Еврейские религиозные общины в оп- тике советской бюрократии» композиционно занимает центральное место. В

ней целых 6 параграфов (столько же, сколько в двух оставшихся главах вместе). В первом из них (2.1) как-раз и демонстрируется глубинное веберианство автора, сдобренное ссылками на Питера Блау, Бруно Латура и др. исследователей ближе к современности, в т. ч. отечественных (А. К. Байбурин). Все эти методологические поиски, разумеется, достойны пристального внимания и уважения со стороны читателя.

Вырисовывающаяся теоретическая перспектива, которую нельзя назвать просто эклектичной и непродуманной, по мнению самого автора «позволяет анализировать еврейские религиозные организации через два взаимосвязанных аспекта». Первый аспект предполагает изучение документации, исходящей из Совета по делам религиозных культов (СДРК), чтобы ответить на следующие вопросы: «каким образом чиновники собирали эту информацию, как она фиксировалась в официальных документах и в какой степени эти документы адекватно репрезентировали состояние еврейской религиозной жизни»; второй же сводится по сути к анализу «институциональной трансформации религиозных институтов с точки зрения их встраивания в советскую законодательную, бюрократическую и повседневную реальность» (с. 60).

Следующий параграф главы (2.2) как раз и посвящен специально деятельности СДРК, тогда как в третьем (2.3) – рассматриваются с указанных позиций отчеты уполномоченных Совета по делам религий (СДР). Параграф 2.4 занимает описание региональной специфики в устройстве и функционировании еврейских общин. Отмечено, что если в Москве и Ленинграде они вопреки всему были относительно активны благодаря исключительному доступу к ресурсам, то в Украине и Молдаве, где традиционно проживало много евреев, сталкивались с более жестким контролем, но при этом сохранилась и их приверженность традиционным религиозным практикам. В Средней Азии и на Кавказе общины *мизрахим* (бухарцев, грузинских и горских евреев) также еще сохраняли отдельные традиционные черты, тогда как в Прибалтике еврей-

ашкеназы порой получали больше свободы благодаря менее жесткому надзору (с. 85).

В пятом параграфе (2.5) на основе анализа предшествующих попыток автор выводит свою типологию еврейских религиозных общин в СССР: во-первых, т. н. «видные синагоги» (хоральные синагоги в Ленинграде, Москве, Киеве, Риге, Тбилиси), во-вторых, «синагоги компактного ядра еврейского населения» (напр., горская синагога в Нальчике), в-третьих, «малые синагоги» провинциальных городов (напр., общины в Брянской области), и в-четвертых, «незарегистрированные общины» (их особенно много было в Украине и Белоруссии). В заключительном параграфе главы (2.6) на основе привлечения различных источников, от финансовых отчетов до интервью с современниками, выделяются основные аспекты функционирования синагог в изучаемый период.

Третья глава «Религиозная жизнь и традиция», как уже было отмечено, распадается на три параграфа. В первом из них (3.1) диссертант приходит к выводу, что трансформация ключевого института раввинов происходила в виде навязывания последним «ролей, которые отвечали, как потребностям общин, так и требованиям государства». Теперь раввины, с одной стороны, неизбежно должны были выступать в качестве «дипломатов» по отношению, как к советским властям, так и к своим зарубежным коллегам, а с другой — «выполняли функции «наставников»», что «привело к смещению акцента с профессиональной подготовки на практические навыки» и только усиливало «общую деградацию института раввината» (с. 137).

Анализируя динамику празднования иудейских праздников (3.2), в т. ч. по отчетам уполномоченных СДР (второй параграф), автор подмечает любопытную закономерность: часто деятельность уполномоченных «по сбору информации о праздниках в еврейских общинах выходила за рамки простой статистики, превращая отчёты в своеобразные полевые дневники, где отражались

наблюдаемые элементы религиозной жизни» (с. 146), и т. о. сами чиновники превращались в стихийных полевиков-любителей вполне в духе антропологии колониальной эры.

В фокусе финального параграфа (3.3) находится интересный вопрос обеспечения общин мацой. Несмотря на его частный характер, он отражает все тонкости взаимоотношений советского еврейства с властями. «Анализ показывает, — пишет автор, — что сам процесс организации производства мацы выступал своеобразной "точкой сборки": для незарегистрированных общин он становился стимулом к кооперации и проявлению внутриобщинной активности, в то время как зарегистрированные синагоги демонстрировали институциональную гибкость, мобилизуя значительные организационные ресурсы через свои исполнительные органы» (с. 157).

В Заключении, на наш взгляд, чрезмерно лаконичном, резюмируется основное содержание и приводятся выводы диссертационного исследования. Представляется, что эти выводы достаточно обоснованы, и в целом в работе дана тщательно отрефлексированная картина еврейской жизни в СССР в 1960–1980-е гг., полная интересных деталей и неожиданных поворотов.

Тем не менее, кое-что имеющее непосредственное отношение к выбранной диссертантом проблематике, упущено в работе. Например, никак не затронут вопрос о судьбах религиозных течений и различных *нусахим* на пространствах СССР (хасидизма, литваках, зачатках реформизма и проч.), особенно в плане типологии еврейских общин: скажем, переход значительной части грузинских и горских евреев с сефардского нусаха, как в XIX в., на ашкеназский, или постепенное складывание особого бухарского («национального») нусаха (также вместо сефардского) и т. д. и т. п. А именно изучение этих вопросов хорошо бы подходило под пункт 7 (антропология религии) паспорта специальности «Этнология, антропология и этнография». Кроме того, если я правильно

понимаю, что чиновники от науки вкладывали в понятие «индигенные исследования» (см. выше, пункт 3 паспорта специальности), то небольшая прививка эмного видения в данном случае дополнительно подчеркнула бы этнологичность (антропологичность) работы.

Вместе с тем высказанные здесь редкие замечания не должны восприниматься как препятствие для защиты диссертации и служат лишь стимулом к началу дискуссии, которая по установившейся практике обязательно сопровождает указанную процедуру. В этом же ключе хотелось бы еще раз коснуться характера источников. Впервые вводятся в научный оборот две их категории: документы архивов (ГАРФ, ЦГА СПб., Москвы, КБР, Брянской обл. и др.) и полевые данные — интервью с самыми различными информантами, записанные в ходе ряда экспедиций Центра «Сэфер» в Клинцах (2008), Унече (2016) Брянской обл. и городе Брянске (2018). Ясно, что использование источников первой группы является прерогативой скорее историка, тогда как материалы полевых исследований служат необходимым атрибутом именно этнологических (антропологических) работ. Вызывает, однако, недоумение, почему в числе полеви́ков/соби́рателей полевых данных автор не упомянул себя. Не говорится в диссертации и о его собственных материалах, хотя, насколько известно, Семен Сергеевич был активным участником нескольких экспедиций «Сэфер», например, в Еврейской АО и в городах Северного Кавказа.

Как бы то ни было смешанный состав источниковой базы работы отражает специфическую сущность самого объекта исследования. Ясно, что еврейское население СССР с зашкаливающими уровнями урбанизации, образованности и ассимилированности (аккультурации), одними из самых высоких в стране и в мире, никак не вписывается в представления о народах, которые должны обладать ярко выраженной и этнически специфической культурой.

Саму динамику еврейской культуры во всех ее многообразных вариантах давно не определяют факторы, на которых зацикливались классики этнологии.

Но как всегда, евреи оказались лишь в авангарде процесса, к настоящему моменту повсеместно затронувшего огромную массу иных народов, будь то коренные американцы или население освободившихся африканских колоний. В североамериканской антропологии как реакция на изменившуюся (постколониальную) реальность сложилось даже особое направление – Ethnohistory, сочетающее традиционный инструментарий антропологов с привлечением анализа письменных и печатных документов, без которых теперь уже невозможно существование даже самого изолированного племени, ведущего «традиционный» образ жизни. Увы, общемировая реальность плохо соответствует кодам специальностей, поэтому вслед за автором мы вправе остановиться на старой доброй «Этнологии, антропологии и этнографии» (5.6.4).

Важно также, что текст автореферата соответствует содержанию диссертации и содержит основные выводы исследования; материалы и результаты получили отражение в опубликованных печатных трудах автора, а большинство положений работы апробированы в ходе его выступлений на международных и всероссийских научных конференциях. Относительно публикационной активности диссертанта отметим, что статьи, отражающие существенные положения диссертации и фрагменты ее текста, выходили в таких высокорейтинговых отечественных изданиях, фигурирующих в списках ВАК и SCOPUS, в Белом списке, как «Исторический курьер» (Падалко 2022), «Славяноведение» (его же 2024), «История повседневности» (его же 2025) и др. Среди наиболее престижных научных конференций, по большей части отраслевого и специального характера, на которых он докладывал о своих результатах и выводах, упомянем V-ю и VII-ю Международные конференции «Еврейское поле: опыт и концептуализация» (соответственно, Москва, декабрь 2022 г. и ноябрь 2024 г.), а также III-ю Международную конференцию «At the Crossroads of Cultures: The Jews of Central Asia and the Caucasus» (Алматы, июнь 2025 г.).

Таким образом, диссертационная работа Семена Сергеевича Падалко на тему «Институционализация еврейских общин в СССР в 1960–1980-х годах»

является законченной научно-квалификационной работой, имеющей существенное значение для этнологии (социальной/культурной антропологии). Данная диссертационная работа, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография, по актуальности, научной новизне и практической значимости результатов, объему проведенных исследований соответствует требованиям пунктам 9–11 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года (в действующей редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а ее автор Семен Сергеевич Падалко заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография.

Официальный оппонент

доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет», кандидат исторических наук (специальность 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография)

Подпись

Игорь Валерьевич Кузнецов

Дата 14.08.2026

Почтовый адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

e-mail: igorkuznet@gmail.com

Сведения об организации, заверившей отзыв:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»;

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; +78612199502, rector@kubsu.ru

